

Паланкин внесли в императорский дворец. Высокие стены, строгая охрана — каждый уголок здесь был пропитан духом порядка. Впрочем, Наследный принц, преградивший путь носилками Юй Чэньиня, этим порядком пренебрегал.

Принц жестом велел стражникам опустить паланкин, и те не посмели ослушаться. Юй Чэньинь, ослабленный от потери крови, опустил веки и прислушался к окрикам толпы, называвшей человека перед ним Наследным принцем, гадая, что же тому нужно.

Принц поставил ногу на паланкин и приказал:

— Зачем во дворце носить маску? Ты ведь и есть та дань, что преподнесло племя из Южных границ? О тебе еще ходили легенды, будто ты лекарственный человек. Снимай маску, дай поглядеть: в самом деле племя Яо поднесло лекарство или просто нашло красавца и решило прикрыться байками о снадобьях.

Юй Чэньинь промолчал.

— О? А нрав-то у тебя не из кротких. Или ты и впрямь просто кусок целебного корня, который не понимает человеческой речи? — Принц шагнул на паланкин, оказавшись всего в шаге от него. — Я так долго тебя ждал. В конце концов, легендарный лекарственный человек должен быть писанным красавцем, способным оживлять мертвых и сращивать кости.

Принц коснулся щеки Юй Чэньиня, поглаживая грубую холодную поверхность маски. Юй Чэньинь был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Заглянув сквозь прорези маски в его глаза, принц невольно замер, пораженный увиденным.

Принц с наигранной легкостью сорвал маску и увидел человека, который едва держался на ногах, привалившись к стенке паланкина — вид у него был такой, будто он готов подчиниться любой воле. Принц застыл на добрую минуту, прежде чем прийти в себя, и поспешно вернул маску на место.

Развернувшись, он довольно невозмутимо спрыгнул с паланкина и, не оборачиваясь, бросил:

— Эта маска слишком грубая. Через пару дней пришлю тебе получше.

Когда паланкин двинулся дальше, Юй Чэньинь наконец предстал перед Императором.

Тот оказался совсем не таким, как он себе представлял. Холодное, отстраненное лицо, хрупкое телосложение — он был полной противоположностью своего дерзкого сына. Один напоминал снег на горной вершине, другой — пламя, полыхающее в ночи.

Император был с ним милостив: зная, что перед ним лекарственный человек, он ни разу не потребовал его крови. Сначала Юй Чэньинь жил в отдельном дворце, но спустя несколько дней евнухи перевели его в личные покои Императора. Вопреки всем дворцовым сплетням, между

ними не вспыхнуло бурного пламени, и ночи их проходили спокойно.

Император учил его каллиграфии и живописи, а после купания сам брал у евнуха полотенце и бережно вытирал его.

Однажды Император писал портрет Юй Чэньиня, но изобразил его лишь со спины. Главный евнух, проявив любопытство, спросил о причине, на что Император с улыбкой ответил:

— В мире нет кисти, способной передать этот облик в точности, так что лучше ограничиться силуэтом — в этом есть особая недосказанность.

Юй Чэньинь тоже взглянул на картину: спина на ней выглядела загадочно и эфемерно, словно лунный свет или тень, пробуждая самые разные мысли. Он повернул голову к Императору:

— Если бы ты не был Императором, то вполне мог бы прокормиться ремеслом художника.

Евнух испуганно замер, но Император не счел это дерзостью. Он подошел к Юй Чэньиню, сменил лист рисовой бумаги и, обхватив его правую руку своей, начал рисовать лунную ночь над рекой.

— В начале лета мы отправимся во Дворец Ду, чтобы укрыться от жары. Ты во дворце уже несколько месяцев, наверняка устал смотреть на одни и те же пейзажи.

Юй Чэньинь промолчал. Глядя на луну и ночь, проступающие на бумаге, он был вынужден признать, что у Императора несомненный талант к живописи.

Под его наставничеством Юй Чэньинь делал большие успехи, и вместе с любовью к искусству в его сердце невольно зародилась привязанность к самому Императору.

Отношение того к нему было безупречным. По дворцу и за его пределами ползли слухи, в столичных переулках распевали дурные песни, а поэты и ученые слагали стихи, полные язвительных насмешек.

Юй Чэньинь не обращал на это внимания, да и Император не пытался скрываться из-за сплетен.

Однако, пока Император хранил спокойствие, наложницы во дворце теряли терпение. Та, что ворвалась в покои, выглядела совсем юной — скорее всего, её подговорили другие. Горделивый взгляд, суетливые движения, смесь наивности и безрассудства. Первое, что она увидела, была спина Юй Чэньиня.

Она выкрикнула:

— Бесстыжая лисица! — и, выдернув из прически шпильку, приготовилась проучить эту

лисицу.

Но стоило Юй Чэньиню обернуться, как она замерла на месте. Шпилька выпала из её рук, звякнув о пол.

Лицо наложницы вспыхнуло, она растерялась, пытаясь подобрать слова, чтобы хоть как-то оправдать свое появление, но от волнения не могла вымолвить ни звука.

Юй Чэньинь не любил присутствия слуг, поэтому в покоях никого не было. Лишь сейчас прибежал евнух, собираясь увести наложницу, но тут появился Император.

Юй Чэньинь впервые увидел его с холодным, жестким выражением лица.

— Прекрасную Юнь отправить в холодный дворец, а всех слуг, что были приставлены к её покоям — высечь пятьюдесятью ударами палок.

Лицо Прекрасной Юнь стало белее мела. В первый момент она посмотрела не на Императора, моля о пощаде, а на Юй Чэньиня. Хрупкая, беспомощная, она выглядела так, словно в любую секунду её могут растоптать.

Юй Чэньинь не выдержал:

— Ваше Величество, не стоит.

Император не отменил своего слова. Когда евнухи потащили Прекрасную Юнь к выходу, она осознала свою участь и зарыдала, умоляя о прощении. Юй Чэньинь поднял с пола её шпильку и шагнул к ней. Евнухи, увидев это, перестали волочить её по полу.

Прекрасная Юнь без сил упала на землю. Юй Чэньинь присел перед ней и вколол шпильку в её растрепанные волосы. Она подняла на него глаза — по идее, она должна была ненавидеть его, но сейчас инстинктивно вцепилась в его руку, ища хоть какой-то поддержки:

— Со мной ведь ничего не случится, правда? Я не нарочно, я не хотела ничего делать, я просто хотела тебя напугать.

Юй Чэньинь помог ей подняться. Видя её испуганные глаза и то, как она сдерживает слезы, он утешил её:

— Всё будет хорошо. Иди, поспи немного.

<http://bllate.org/book/18606/1791628>